КАССИТО-ХАТТО-КАСКЕЙСКИЕ ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНЫЕ И ЛЕКСИЧЕСКИЕ СВЯЗИ И ПАРАЛЛЕЛИ

Бгажноков Барасби Хачимович, доктор исторических наук, заведующий сектором древней истории и археологии Института гуманитарных исследований – филиала Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук» (ИГИ КБНЦ РАН), bbarasbi@yandex.ru

Ставится и на примерах доступного нам историко-культурного и языкового материала рассматривается возможность хатто-каскайского (кавказско-анатолийского) происхождения касситов. Привлекаются данные культурной истории, этнонимии, топонимии, антропонимии. Отмечается прочность антропонимической традиции, сложившейся у касситов и у абхазо-адыгских народов. В сравнительном плане рассматриваются имена божеств, а также касситская и черкесская лексика, связанная с коневодством и всадничеством. В заключении подчеркивается, что сопоставление касситского и абхазо-адыгского историко-культурного и языкового материала имеет определенные перспективы и может быть продолжено.

Ключевые слова: Месопотамия, Кавказ, касситы, хатто-каскайцы, прото-абхазо-адыгские племена, антропонимы, теонимы, этнонимика, топонимика.

1. Постановка вопроса

В предыдущих публикациях мы уже затрагивали вопросы, так или иначе связанные с гипотезой хатто-каскайского происхождения касситов, народа, известного по аккадским источникам под именем *кашшу*, *kaššû* (экзоэтноним) и *галлу*, *galčû* (экзоэтноним) [Jaritz 1957: 871]. В настоящей статье данная проблема рассматривается преимущественно на основе сопоставления элементов касситского и абхазо-черкесского языков, с учетом специфических путей этнического развития кавказско-анатолийского населения.

При этом следует отметить, что сведения о языке касситов весьма ограничены. Не обнаружено ни одного связного текста на касситском языке, так как письменным языком касситов был аккадский. По подсчетам Р. Задока [Zadok 2015: 9] в настоящее время выявлено лишь немногим более 60 апеллятивов, относящихся в большинстве своем к обозначениям цветов, частей колесницы, растений, титулов. Около 200 лексических единиц насчитывают дополнительно к этому антропонимы, топонимы, имена лошадей. По мнению большинства современных специалистов, анализ этого материала не позволяет установить генетическое родство касситского языка с каким-либо известным другим языком. К.Яритц пришел к выводу, что касситский язык является «абсолютно самостоятельным», а влияние хурритского, протохеттского (хаттского), индогерманских языков является лишь результатом тесных контактов и длительного совместного проживания касситов с носителями этих языков [Jaritz 1957: 896].

Версии, согласно которым касситский язык близок к эламскому и восходит к северокавказским, индоиранским языкам, признаны в настоящее время не вполне убедительными. Тем не менее, сопоставление касситского и абхазо-адыгского

историко-культурного и языкового материала имеет, как мы увидим, определенные перспективы.

2. Данные этнонимии и топонимии

Большой интерес представляет самоназвание касситов. Похоже, что перед нами композит *gal-ču*, в основе которого лежит черкесское *гъэл-чу*, первый компонент которого *гъэл* является усеченной формой черкесского слова *гъэлын* – «жечь/сжечь», «опалить /спалить», а второй компонент *чу* означает «блеск», «блестящий».

Получаем в итоге слово с внутренней формой «очищенный (обожженный пламенем), блестящий (народ)». Это означает, что термины *galču* и *kaššu* семантически идентичны, даже тождественны, что предполагает наличие здесь семантического заимствования (возможно, калькирования). Об этом писал К. Яритц [Jaritz 1957: 871], вопреки мнению К. Балкана, который считал, что имя *galču* фиксирует лишь обозначение одного из известных касситских царей *Kurigalču*. Справедливо полагая, что в эндоэтнониме касситов – *galču* содержится значение, близкое, идентичное тому, что заключено в экзоэтнониме – *kaššu*, К. Яритц склоняется к тому, что не только название, но и самоназвание касситов семантически связано с главным божеством и первопредком касситских царей – *Kaššu*, *Kašшу*.

Однако в основе почти полной синонимичности названия и самоназвания касситов лежат и другие более веские причины. Дело в том, что этноним/эпоним *Kašшу*, *Kaššu* восходит к индийскому *kas* – «сверкать, сиять», *kasih* – «солнце, свет, сияние» [König 1930: 62]. И фактически повторяет значение этнонима *galču*. Кроме того, по смыслу каждый из этих терминов перекликаются и с этнонимом *хатты*. Первый компонент *хъэ* восходит в этом этнониме к значению «жизнь», «живое». А второй *т/ты* соответствует в хаттском, черкесском, индоевропейских языках корню со значением «давать». Одним словом этноним *хатты* закрепляет в черкесском (хатто-каскайском) языковом сознании термин с внутренней формой «дарящий жизнь», «животворящий», «жизнеутверждающий» [Бгажноков 2016: 18], что семантически соотносимо с эпитетами, которые сопровождают во всех языках такие слова как «солнце» и «луна».

Мотив внутренней связи этнонима *kas/kaš* с культом солнца и луны причудливым образом повторяется в культурной истории черкесов. И это заслуживает особого внимания. Отметим с самого начала, что элемент *кас* содержится и постоянно воспроизводится в имени одного из родоначальников черкесской правящей династии. Различные варианты данного имени Кес, Кису, Кисрай, Серакес приводятся в сочинениях Эвлия Челеби, Дж. Элиаса, Яна Потоцкого, Шоры Ногмова и других историков. В генеалогических картах черкесских правителей Кеса представляют обычно как прадеда знаменитого князя Инала, правившего Черкесией в конце XIV – начале XV века и положившего начало княжескому дому Инал-вишей. И что особенно показательно: в адыгском обществе сложилась традиция, согласно которой черкесские князья (Иналиды) для обоснования своего знатного происхождения и права на управление адыгским народом пользовались устойчивым выражением «Мы солнечно-лунного происхождения, из рода Курайш» – *Дэ дыгъэ-мазэм дыкъыхэкIац, дыкъурейшы лъэкъыц*. Правом на такую самоидентификацию и самопрезентацию не обладал, кроме Иналидов, ни один другой черкесский род.

Все это означает, как мы убеждаемся, что и сама идея солнечно-лунного происхождения древних вождей и царей сформировалась в тесном взаимодействии индоевропейцев (прежде всего хеттов) с хатто-каскайцами и, возможно, еще в период их контактов в Юго-Восточной Европе и Предкавказье. Формула самоидентификации черкесских князей практически такая же, как у касситских и эламских

царей, а также у хеттских, ассирийских и почти всех других правителей Передней Азии и Египта. Она отсылает нас, с одной стороны, к культу солнца и луны, который четко прослеживается не только на Востоке, но и на Кавказе, у черкесов, абхазов, грузин, осетин, чеченцев, ингушей и других народов. С другой стороны, она прочно связана с древнейшей историей абхазо-адыгов, с их распространившимся по всей Евразии индоарийским названием *kas/kaš*, *kasgan/kaškon*, *kasaq/kašak* и др.

Не исключено, что аналогичные имена применялись индоариями и к касситам. Об этом, как полагают, свидетельствует название одной из рек на севере Луристана – *Kasgan-Rud*. В. Ейлерс считает возможным интерпретировать дословное значение этого гидронима как «Касситская река» (*Kassiten flüss*) [Eilers 1982: 37] и рассматривать его в качестве этнонимического гидронима. Соответственно топоним *Kasgan/Kašgan*, распространенный в Иране и Индии, он воспринимает и рассматривает как этнотопоним, использовавшийся в значении «Страна касситов» [Eilers 1957–58: 135].

Если принять эту точку зрения, можно считать, что этноним *kasgan/kaškon/kasaq/kašak*, известный на Кавказе, как индоиранское (праиндийское) наименование проточеркесских племен, применялся также и по отношению к касситам Ближнего Востока. Вывод, который из этого следует, напрашивается сам собой. По всей вероятности, первая волна индоиранцев, хлынувших в Переднюю Азию и Индию в конце III тысячелетия до н.э. [Cameron 1936: 136], воспринимала касситов как народ, близкий протоабхазо-адыгским племенам, с которыми они пришли в Переднюю Азию и Индию после тесного и длительного взаимодействия в Юго-Восточной Европе и Предкавказье.

Но дело не только в этом. По всей вероятности, это была и встреча касситов с проточеркесами, находившимися в составе мигрировавших на Восток индоариев. И она, судя по всему, оказала заметное воздействие на историю, культуру и язык касситов. Отсюда, вне всякого сомнения, наличие в антропонимах, топонимах, теонимах и в других касситских терминах, множества элементов черкесского языка.

Обращает на себя внимание в этой связи и название самой внушительной горной цепи Луристана – *Кабир Кух*, вдоль которой прокладывает себе путь река Саймарра, притоком которой является упомянутая выше река Кашган.

Термин *Кабир* в этом топониме похож на название одного из касситских племен – *хабиру*. К такому выводу еще в 1916 г. пришел Г. Хьюзинг, сопоставив письменные источники, в которых касситов по одному и тому же поводу и событию называют то хабирами (*hapiri*, *habiri*), то касами (*kas*, *sa-kas*, *kas-sa*, *kas-si*) [Husing 1916: 94–95]. В то же время племена *хабиру* сопоставимы с хебурами (Армянская география) и кабарями, (кабардинцами) на Северном Кавказе. Возможно, имя *хабиру* и все другие варианты данного этнонима восходят к названию реки Хабур. Что же касается второго компонента топонима *Кабир Кух*, то нельзя исключать его соотнесенность с черкесским *къуихъэ* – «горцы», «горское поселение/население»; так и по сей день называют черкесы горных шапсугов, абазин, осетин, балкарцев,

Не исключено также, что с племенным названием *хабир/кабир* связано каким-то образом и название одного из городов на Нижнем Забе – *Кабару*.

3. Антропонимы и теонимы

Активное использование антропонимических суффиксов *š/aš*, *ak/uk/ukka* в касситских, эламских и новоэламских именах как указание на родовитость, знатное, царское или божественное происхождение, напоминает и повторяет аналогичные суффиксальные морфемы черкесских личных имен и фамилий. Ср.: касс. и элам. *Гандаш*, *Каштилиаш*, *Уришигурумаш*, *Шипак*, *Бурна Буриаш*, *Караиндаш*, *Шагаркти-Шуриаш*, *Инишуинак*, *Халидуш Инишуинак*, *Хутелюдуш Инишуинак*, *Халунаш*

Иниушинак, Аттаркитташ, Кидин-Хутруташ, Шилхак, Аммахашдук, Симепалархупак и др. черк. Атажук, Безрук, Дударук, Эльжерук, Баток, Богарсок, Болотоко, Докшуко, Бгажинок, Заноко, Шамоко, Темроко, Каншоко, Кургоко, Мафоко, Шогеноко, Ахерако, Кураш, Кунаш, Каргаш, Кош, Куаш, Мэш, Теш, Гиш, Табыш, Танаш, Теучеш, Тааш, Мэмрэш, Бекиш, Тахуш, Ахумаш, Мэхош и др.

Показательно, что в абхазо-адыгских языках эти морфемы выступают и активно используются одновременно в роли полноценных лексических единиц, так или иначе связанных с родством, продолжением рода. Тем самым убеждая нас в прямой связи множества касситских антропонимических суффиксов с аналогичными черкесскими суффиксами. Ср.: черк. *къуэ* букв. «сын», *шы* «брат», *зэш* «братья», *шыпхъу* «дочь», *шыр* «детеныш», *анэш* «родственники по материнской линии», *адэш* «родственники по отцовской линии», *лакъуэлэш* «родовитый» «потомственный» – обозначение высшего, потомственного, самого знатного черкесского дворянства; абаз. *ашьа* «брат», абх. *аашда* «братья», *аехэшья* «сестра», *абиашья* «брат отца», *анэшья* «брат матери», *абзыцэашья* «молочный брат», *абзыцэахэшья* «молочная сестра».

Важно отметить, что эти термины восходят к хатто-каскайскому праязыку. Отсюда заимствованные из хаттского хеттские термины *haš* «рождать», *hašša* «потомство», *huhhaš* «дедушка», *attuš* «отцы», «родственники по отцовской линии», *anpiš* «матери», «родственники по материнской линии». И это также свидетельствует о заметном кавказском, хатто-каскайском содержании лексики и словообразовательной модели значительного числа касситских и эламских личных имен.

Сказанное в отношении антропонимов относится в полной мере и к касситским теонимам. Неоднократно подчеркивалось, что некоторые из них и по форме, и по содержанию напоминают названия хаттских и абхазо-адыгских божеств. Отмечалось, в частности, что есть много общего между черкесским Богом небесного свода *Уацхъуэ*, *Waš hwa*, хаттским *Wašhaw* «Бог» и касситским *Wašhwa* (*Mašhu*) [Алиев 1960: 81].

Существует также мнение, что имя одного из первых касситских царей Бурнабуриаша I состоит из трех частей: *Burna*, *Buri*, *jaš* и означает дословно «Покровительствуемый Владыкой (богом –Б.Б.) земли» [Алиев 1960: 80]. Такая трактовка внутренней формы данного имени позволяет предположить, что конечное слово *jaš* (земля, страна) сопоставимо в нем с черкесским словом *цІы* «земля». При этом имя Бури, распространенное на Востоке, отождествляется, как известно, не только с аккадским Ададом [Delitzsch 1884: 24] – Богом грозы, ветра, дождя и бури, но и с носящим такое же имя хатто-хеттским Богом грозы, ветра и бури. Отсюда известное проклятие хеттского царя Анниты, разрушившего ненавистный ему город Хаттусах: «Пусть Бог Бури ударит по любому, кто станет царем после меня и снова заселит Хаттусу» [Bryce 2002: 230].

Имя Бурнабуриаш перекликается, с другой стороны, с новым касситским названием Вавилона – Кардуняш, *Kardunijaš*, включая в себя и в этом случае конечное слово *jaš* (земля, страна), восходящее, возможно, к имеющему такое же значение черкесскому слову *цІы*. Что же касается в целом всей внутренней формы топонима *Кардуняш*, то и в этом случае можно представить его в виде сложного слова, состоящего из трех компонентов. 1) *Kari/Kara* – имя эламо-касситского Бога родной земли или отчества; 2) *dun/tun* – эламо-касситское и черкесское «давать»; 3) *jas* – земля.

Дословное значение хоронима Кардуняш сводится, таким образом, к выражению: «Богом Кари дарованная земля», что, кстати, вызывает ассоциации с черкесским (абазехским) словом *къары-нэ* – «исконная земля», «прародина». Ср.: *абэзэххэм я къарынэ* – «исконная земля (прародина) абазехов», в качестве которой называют долину под названием *Туба/Туби* в верховьях рр. Белая и Пшеха в Адыгее, воспринимая эту долину как «колыбель абазехского племени», место,

где все основные и подлинно абазехские родовые группы и фамилии имели свой пай» [Дьячков-Тарасов 1902: 5].

Практиковалось также использование других сопоставимых с элементами черкесского языка теонимов и антропонимов. Например, соединение имен эламских царей с именем мужского Бога света (солнца) *Нахун'ме* (*Nachhun'te*) и Верховного (Благороднейшего, Чистейшего – *Läuterer*) Бога *Инишушинака* (*Inšušinak*), ср.: *Шутрук-Наххунте* (*Sutruk Nahhunte*), *Кутир-Наххунте* (*Kutir-Nahhunte*), *Халидуш Инишушинак* (*Halliduš Inšušinak*), *Шилхак Инишушинак I* (*Šilhak Inšušinak I*), *Хутелюдуш Инишушинак* (*Huteludus Inšušinak*).

Отсюда высокопарное, в характерном для Ближнего Востока стиле, высказывание Шилхака-Инишушинака о себе: «Я Шилхак-Инишушинак, сын Шутрука-Наххунте, подданный (бога) Наххунте, избранник (любимец) (бога) Инишушинака, получив титул полновластного правителя от Богов Элама, расширил империю» [König 1977: 113].

При этом имя Бога *Нахун'ме*, которого величают, кроме того «Господином (покровителем) света» – *Herr des Lichts* [König 1977: 116], «Господином (покровителем) дворянства» – *Herr der Adligen* [König 1977: 119] почти буквально повторяет черкесские слова *нэху* «свет», *нэхулъэ* «рассвет», *нэхунэ* «отблеск». То же самое следует сказать об имени касситского Бога грозы *Хутха*, *Hutcha*. По всей видимости, перед нами композит, состоящий из черкесских слов *ху* «свет» и *Тхъэ* «Бог», что дает в итоге термин с буквальным значением *Бог света (солнца)*.

Мы убеждаемся, таким образом, что не стоит отвергать гипотезу кавказского, хатто-каскайского происхождения и родства эламского и касситского языков, выдвигавшуюся в свое время Х. Винклером [Winkler 1892], Г. Хьюзингом [Hüsing 1916], Е. Форрером [Forrer 1930], И. Алиевым [Алиев 1960], Г.А. Меликишвили [Меликишвили 1954] и другими известными востоковедами. Гораздо разумнее продолжить эти исследования с широким привлечением живых кавказских, прежде всего абхазо-адыгских языков.

Уместно вспомнить в данной связи мнение по этому поводу Б. Грозного. Он считал язык касситов одним из древних кавказских языков [Hrozny 1953: 49], и усматривал прямую связь между касситами и касками Ближнего Востока и касогами Кавказа, склоняясь, тем самым, к тому, что из множества кавказских языков именно адыгские языки наиболее тесно связаны с языком касситов. Чтобы не быть голословным приведу его слова на этот счет целиком: «Связующим звеном между кашкитами второго и третьего тысячелетия до нашей эры и казаками нашего времени является кавказское племя Касков или *Касогов*, которые упоминались уже в русских летописях десятого столетия нашей эры».

Эта идея имела сторонников и среди известных советских востоковедов. К примеру, Играр Алиев, касаясь гипотезы черкесско-касситского родства и фактически поддерживая ее, писал: «Касков, сближаемых с касситами, нередко в научной литературе связывают с северокавказским народом – черкесами, называемых грузинами *kasag* (древнерусск.: касоги)» [Алиев 1960: 81].

4. Лексика, связанная с коневодством и всадничеством

Одним из главных факторов возрастания силы и влияния касситов в начале второго тысячелетия до н.э. стало объединение с воинственными индоиранскими (протоиндийскими) племенами, вожди которых и их несомые лошадьми воины прибывали большими массами с Северного Кавказа и Туркестана в Переднюю Азию. Существует мнение, что одна, меньшая из ветвей индоиранцев продвинулась в Западный Иран и вступила в тесный контакт с касситами, затем с хурритами. Другая гораздо большая ветвь вторглась в Индию и навязала местному населению свой язык, ставший затем известным под названием санскрит [Cameron 1936: 136].

В составе каждой из этих двух ветвей были, несомненно, черкесские всаднические отряды, о чем свидетельствуют местные предания о походах черкесов в Индию (иногда в Китай) и об их триумфальном возвращении на родину.

Одним словом, касситы – это общность, объединившаяся с арийцами и сохранявшая культурно-языковую связь как с древним, доиндоевропейским «азианическим», «яфетическим» населением Ближнего Востока, так и с далекими северокавказскими народами. Судя по всему, этот симбиоз, именуемый сейчас межэтнической, культурной интеграцией, был частью общего процесса взаимных миграций и обмена культурными достижениями и технологиями в кавказско-переднеазиатской контактной зоне. Связи кавказской ветви хатто-каскайцев с народами Передней Азии постоянно поддерживались и время от времени активизировались на протяжении многих тысячелетий, в домайкопский, майкопский и постмайкопский периоды истории [Бгажноков 2018: 7–18]. Поэтому нет ничего удивительного в том, что язык, на котором говорили касситы, представлялся многим исследователям как кавказский с элементами языка индоариев.

В тесном взаимодействии с индоарийцами касситы овладели навыками коневодства, создали колесничьи войска, усвоили методы колесничьего боя. Весь этот богатый опыт активно перенимался и распространялся на Ближнем Востоке, в том числе особенно миттанийцами и хеттами. Большую известность получил составленный находившимся на службе у хеттов миттанийцем Киккули, коневодческий трактат, в котором сам Киккули именуется почтительно *aššušani*. Это слово содержит в своей основе адыгское обозначение лошади – *шы* и почти буквально, как выясняется, повторяет название покровителя (бога) коней и коневодства у черкесов – *Шышанэ/Ашашана* [Лавров 2009: 211], отсылая нас также к индоарийскому аналогу слова *aššušani* – *acva-sani* «конюх», «приобретающий коней». И это, как мы видим, термин гибридный, основанный на использовании элементов адыгского и индоиранского языков. Он сформировался, надо полагать, в период активного взаимодействия проточеркесских племен с арийцами и, возможно, еще до их миграции в Переднюю Азию.

Перенесенный на переднеазиатскую почву черкесско-арийский культ коня, всадника и всадничества стал, говоря языком Г. Кэмерона, «божественным символом касситов» [Cameron 1936: 136]. Отсюда, судя по всему, наличие элемента *š* в касситских названиях лошадей (*lagaštakkaš, šimriš, timiraš*) и в деталях колесницы (*akkandaš, kamusaš, šahumaš*). Можно говорить, с большой осторожностью, и о соответствии отдельных касситских названий лошадей внутренней форме черкесских сложных слов, напр.: *Lagaš-ta-kk-aš* «Лошадь, подаренная городом Лагаш».

Перенесенный на переднеазиатскую почву черкесско-арийский культ коня, всадника и всадничества стал, говоря языком Г. Кэмерона «божественным символом касситов» [Cameron 1936: 90]. Отсюда, судя по всему, наличие элемента *š* в касситских названиях лошадей (*lagaštakkaš, šimriš, timiraš*) и в деталях колесницы (*akkandaš, kamusaš, šahumaš*). Можно говорить, с большой осторожностью, и о соответствии отдельных касситских названий лошадей внутренней форме черкесских сложных слов, напр.: *Lagaš-ta-kk-aš* «Лошадь подаренная городом Лагаш».

Кроме того, к черкесскому обозначению колесничьего – *шырым*, букв. «стоящий на коне (на/в колеснице)» восходит, по всей вероятности, название колесницы – *chariot*, распространенное в десятках современных языков, в том числе индоевропейских.

Слово *chariot* означает «колесница» в английском, французском (*char*), ирландском, шотландском, голландском, норвежском, грузинском, армянском, азербайджанском, словацком, сунданском, сербском (цхариот), литовском и других языках. Но термин *chariot* в перечисленных языках не имеет внутренней формы, позволяющей представить каким образом сформировалось его значение. Между тем состав слова *шырым* в черкесском языке вполне очевиден: *шы* – лошадь, *ры* –

сема (морфема), которая, появляясь в сложном слове между двумя корнями, придает ему орудное значение и, наконец, *m/ty* (хаттск. *ti*) – стоять, находиться.

В дополнение к сказанному заметим, что по всей видимости, касситами и эламитами было воспринято черкесское слово *шу* – «всадник». Человек (обычно вооруженный) в этой роли пользовался в касситском обществе особым почтением. Поэтому нельзя исключать, что, получив здесь, за счет семантического расширения, новое, более широкое и разнообразное толкование, это слово стало использоваться в составе имен богов-покровителей и царей. Ср.: *Šugamuna* «Бог войны», *Šumalia* «Богиня гор», *Šugab* «Бог подземного мира», *Inšušinak* «Верховный бог» (у эламитов), *Sutruk Nahhunte* (эламский правитель), *Adad-šumiddin* (касситский правитель).

Термин *šu* содержится, похоже, и в сложном слове для обозначения чиновников – *šukallu*. Возможно, в Вавилоне это слово служило сначала наименованием всадников, всадничества, колесничих – привилегированной части касситского войска. А затем стало также названием военного (вооруженного) чиновничества.

Во всей совокупности эти и другие использованные в данной статье материалы позволяют думать, что касситский народ сформировался в результате отделения (сепарации) от анатолийских хаттов и затем в ходе взаимодействия и консолидации с другими народами Ближнего Востока. Вместе с тем, заметное влияние оказали на них северокавказские хатты (протоабхазо-черкесы), носители майкопской и постмайкопской культуры, проложившие путь в Западный Иран, в Приурмийскую область еще в IV тыс. до н.э.

Наконец, во втором тысячелетии н.э. знаменательным во всех отношениях стало этническое и культурно-языковое сближение касситов с индоариями, прибывавшими из Юго-Восточной Европы и Кавказа, а также и с находившимися в составе индоариев северокавказскими, прежде всего черкесскими всадническими группами.

Источники и литература

1. Алиев И. История Мидии. Баку: Изд-во АН Азербайджанской ССР, 1960. 360 с.
2. Бгажноков Б.Х. К вопросу о происхождении и ранней истории майкопско-анатолийских племен // Археология и этнология Северного Кавказа. Нальчик: Редакционно-издательский отдел КБИГИ, 2018. Вып. 8. С. 7–18.
3. Бгажноков Б.Х. Культ собаки и семантема хъэ в языковом сознании черкесов // Вестник КБИГИ. Нальчик: Изд. отдел КБИГИ, 2016. № 1 (28). С. 7–22.
4. Дьячков-Тарасов А.Н. Абадзехи (Историко-этнографический очерк) // Записки кавказского отдела Русского этнографического общества. Тифлис, 1902. Кн. 22. Вып. 4. С. 1–52.
5. Лавров Л.И. Доисламские верования адыгейцев и кабардинцев // Избранные труды по культуре абазин, адыгов, карачаевцев, балкарцев. Нальчик: Полиграфкомбинат им. Революции 1905 г., 2009. С. 197–236.
6. Меликишвили Г.А. Наири-Урарту. Тбилиси: Изд-во АН Грузинской ССР, 1954. 446 с.
7. Bryce T. Life and Society in the Hittite World. Oxford and New-York: Oxford University Press, 2002. 312 p.
8. Cameron G. History of Early Iran. Chicago, Illinois: The University of Chicago Press, 1936. XV1 + 260 p.
9. Delitzsch F. Die Sprache der Kossäer. Lingustisch-historische Funde und Fragen. Leipzig: J.C. Hinrichs'sche Buchhandlung. 1884. viii + 75 s.
10. Hrozný B. Ancient history of Western Asia, India and Crete. New York: Philosophical Library, 1953. XIV + 260 p.
11. Hüsing G. Die einheimischen Quellen zur Geschichte Elams. 1. Teil. Altelamische Texte. Leipzig: J.C. Hinrichs'sche Buchhandlung, 1916. 98 s.
12. Hüsing G. Sagros und seine Völker. Leipzig: I.C. Hinrichs'sche Buchhandlung, 1908. 66 s.

13. *Eilers. W.* Geographische Namengebung in und um Iran. München: Beck, 1982.
14. *Eilers. W.* Rezension auf: K. Balkan. Kassitenstudien, Archiv für Orientforschung 18, 1957–58. S. 135–138.
15. *Forrer E.* Stratification des langues et des peuples dans le Proche-Orient prehistorique // Journal Asiatique. CCXVII. 1930.
16. *Jaritz K.* Die Kassitischen Sprachreste // Anthropos. Bd. 52. Wien, 1957. 850–898 s.
17. *König Fr.W.* Die Elamischen Königsinschriften. Osnabrück: Biblio Verlaq, 1977. 212 s.
18. *Winkler H.* Geschichte Babyloniens und Assyriens. Völker und Staaten des alten Orients 1. Leipzig: Verlag von E. Pfeiffer, 1892. 354 s.
19. *Zadok R.* Kassites // Encyclopedia Iranica, online edition, 2015, available at <http://www.Iranicaonline.org/articles/kassites> (accessed on 6.06.2019). P. 1–14.

CASSITY-HATTY-CASCAY HISTORICAL-CULTURAL AND LEXICAL TIES AND PARALLELS

Bgazhnokov Barasbi Hachimovich, Doctor of History, Head sector of the ancient history and archeology of the Institute for the Humanities Research – Affiliated Federal State Budgetary Scientific Establishment «Federal Scientific Center «Kabardian-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences» (IHR KBSC RAS), bbarasbi@yandex.ru

The possibility of the Hatty-Cascian (Caucasian-Anatolian) origin of the Kassites is also considered and exemplified by the historical, cultural and linguistic material available to us. The data of cultural history, ethnonyms, toponyms, anthroponyms, theonyms are involved. In comparative terms, Cassit and Circassian vocabulary related to horse breeding and horsemanship are considered. In conclusion, it is emphasized that the comparison of the Kassit and Abkhaz-Adyghe historical, cultural and linguistic material has certain prospects and can be continued.

Keywords: Mesopotamia, the Caucasus, the Kassites, the Hatty-Cascians, proto-Abkhaz-Adyghe tribes, anthroponyms, theonyms, ethnonyms, toponyms.

DOI: 10.31007/2306-5826-2019-3-42-15-22